

Алексей Апухтин

**Дневник Павлика
Дольского**

Алексей Апухтин
Дневник Павлика Дольского

«Public Domain»

1891

Апухтин А. Н.

Дневник Павлика Дольского / А. Н. Апухтин — «Public Domain», 1891

ISBN 978-5-457-06546-8

«Вчера я пережил очень странное впечатление. Мне уже с неделю нездоровится. Не то чтобы начиналась серьезная болезнь, а так, чувствую себя как-то не по себе: то головная боль, то кашель, по ночам бессонница, днем какая-то непонятная слабость. Вчера я решился пригласить доктора, которого часто встречаю у Марьи Петровны. Доктор проделал все, что в подобных случаях проделывают доктора. Он осмотрел и прослушал меня вдоль и поперек, определил температуру тела, постучал грудь какими-то палочками, полюбопытствовал насчет языка и пульса, нашел, что все в порядке, и уселся в раздумьи за письменный стол...»

ISBN 978-5-457-06546-8

© Апухтин А. Н., 1891

© Public Domain, 1891

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Алексей Николаевич Апухтин Дневник Павлика Дольского

6 ноября

Вчера я пережил очень странное впечатление. Мне уже с неделю нездоровится. Не то чтобы начиналась серьезная болезнь, а так, чувствую себя как-то не по себе: то головная боль, то кашель, по ночам бессонница, днем какая-то непонятная слабость. Вчера я решился пригласить доктора, которого часто встречаю у Марьи Петровны. Доктор проделал все, что в подобных случаях проделывают доктора. Он осмотрел и прослушал меня вдоль и поперек, определил температуру тела, постучал грудь какими-то палочками, полнобопытствовал насчет языка и пульса, нашел, что все в порядке, и уселся в раздумьи за письменный стол. Не дописав рецепта, он вскочил и начал опять прикладывать голову к моему сердцу, причем неодобрительно качал головой. Я попросил объяснения.

– Видите ли, – начал он, запинаясь и ища выражений, – положим, что сердце у вас в порядке, но – как вам сказать?.. посмотрите на ваши туфли: вы их давно носите и можете еще долго проносить, а между тем кончики у них побелели. Износились. То же и с сердцем, ведь и оно может изнашиваться. Вам который год?

– Который год? Мне?

– Ну да, вам. Отчего мой вопрос вас так удивляет?

– Да потому, что он мне никогда не приходил в голову. Мне за сорок.

Доктор засмеялся.

– Я не сомневаюсь в том, что вам за сорок, но сколько именно? Не ближе ли к пятидесяти?

– Пожалуй, что и так.

– Ну, вот видите! Человек в пятьдесят лет должен сказать, что он старик, и не удивляться тому, что его сердце работает слабей, чем в молодые годы.

И, с уверенностью подойдя к письменному столу, доктор навалил целых три рецепта.

– Можно ли мне, по крайней мере, выехать сегодня? – спросил я с робкой мольбой.

– Ни под каким видом! Завтра принимайте каждый час обе микстуры поочередно, на ночь втирайте мазь, а послезавтра я заеду.

– Но я обещал непременно обедать у Марьи Петровны. Вы знаете, что сегодня приезжает к ней племянница...

– Это ничего не значит! Я от вас еду к Марье Петровне и скажу ей, что запретил вам выезжать... А племянницу посмотреть успеете: она прогостит у Марьи Петровны всю зиму.

И, небрежно сунув в карман бумажку, которую я вручил ему как-то крадучись, – точно совершал какое-нибудь постыдное дело, – доктор важно удалился.

Этот докторский визит навел меня на самые грустные размышления. Как же это так? С тех пор как я себя помню, я всегда чувствовал себя молодым, и вдруг оказывается, что я старик! Еще вчера я пил, ел, спал и волочился за женщинами, как молодой человек, теперь все должно пойти иначе.

Сейчас, роясь в своем письменном столе, я нашел старую, порыжевшую от времени тетрадь с заголовком: «Записки о моей жизни. Дрезден». Я начал писать эту тетрадь много лет тому назад, живя за границей, в самом тревожном настроении духа. Выписываю оттуда последние строки: «Пора кончить. Я вижу, что не понимаю ни себя, ни окружающей меня жизни. Придет время, когда все уляжется в душе, наступит эпоха грустной старости, – тогда, может быть, примусь опять за эти записки».

По-видимому, эта эпоха наступила. Давно все улеглось в душе, жизненный путь почти пройден, пора подводить итоги. Я ведь не только ел, спал и волочился: я еще всю жизнь наблюдал и размышлял, мне хочется уяснить себе результат этих

Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет...¹

Не знаю, выйдет ли что-нибудь из этих записок; во всяком случае, я рад, что нашел для себя подходящее занятие.

Но все-таки, почему же я старик? Это чистейший вздор! Лицо у меня молодое, нет ни одного седого волоса, на балах я танцую, маменьки смотрят на меня как на жениха, а главное – все зовут меня Павликом Дольским. Только люди совсем мало знакомые называют меня Павлом Матвеевичем, а то все Павлик да Павлик... Не станут же звать Павликом старика! Еще на днях в клубе я слышал, как один господин говорил старичку, искавшему партию в вист: «Да вот, у вас есть Павлик Дольский...» Меня тогда эта фамильярность даже несколько покорила, потому что этого господина я почти не знаю, но теперь вижу, что он был совершенно прав. Что же ему делать, когда все меня так называют? А этот противный доктор, который сам молодится и бросает нежные взгляды на Марью Петровну, уверяет, что я старик. Вздор, вздор и вздор!

8 ноября

Сегодня я вынул из письменного стола коллекцию моих портретов, которую я вывез из деревни после смерти матушки, и начал ее рассматривать. Первый портрет – дагерротип, сделанный в тот год, как меня привезли в Петербург. Он уже совершенно выцвел, вместо лица какое-то белое пятно. Второй портрет уже фотография, я изображен в камер-пажеском мундире. Какой, однако, я был молодец тогда! Потом я в гусарском ментике, потом во фраке с цепью мирового посредника², потом в камергерском мундире и еще в нескольких группах. Одна группа, с Алешей Оконцевым и его женой, – вызвала в моей душе самые тяжелые воспоминания и разбудила мою давно заснувшую совесть. Долго я не мог оторваться от этого немого свидетеля минувших бурь, потом сел перед зеркалом и начал сравнивать свое лицо с портретами. По моему мнению, больше всего у меня сходства с пажеским портретом. Почти то же лицо, только у меня теперь большие усы, которых тогда не было, да, по правде сказать, волос стало меньше. Зато взгляд, выражение – все то же самое. За этим занятием застал меня доктор.

– Ну, скажите, Федор Федорович, – спросил я его, – похож я на этого пажа? Не правда ли, что почти нет разницы?

– Ну, кое-какая разница есть. Во-первых, у пажа нет морщин...

Этот доктор решительно сведет меня с ума. Конечно, слово «морщины» давно мне знакомо, и я не раз употреблял его в разговоре, но никогда не отдавал себе ясного отчета, что это собственно такое.

– Где же у меня морщины? – воскликнул я с отчаянием.

Доктор указал где.

– Да какие же это морщины? Это просто случайные углубления кожи.

– Положим, но когда вы были пажом, этих случайностей у вас не было, а теперь есть.

– Это плоды размышлений, долгих дум...

---

¹ Строки из посвящения к «Евгению Онегину» Пушкина.

² Мировыми посредниками после реформы 1861 г. назывались лица, назначенные губернатором для решения споров между помещиками и крестьянами.

– Да, долгих дум, а главное – долгих лет. Ну, не волнуйтесь, успокойтесь и дайте мне послушать ваше юное сердце.

У покойной матушки, которая была женщина больная, и у Марьи Петровны, которая постоянно здорова и всю жизнь лечится, я насмотрелся на разные типы докторов. Федор Федорович принадлежит к самому противному типу: это доктор острящий и иронизирующий. Я всегда боюсь, что в рецепте он пропишет какой-нибудь латинский каламбур, от которого потом не поздоровится.

19 ноября

Сегодня посетила меня Марья Петровна в сопровождении доктора.

Марья Петровна весьма курьезная женщина; какой-то серой ниткой прошла она чрез всю мою жизнь. Я, кажется, был влюблен в нее в детстве. Это обстоятельство я, может быть, давно бы забыл, если бы она сама по временам не напоминала о нем, начиная свою фразу так: «Vous qui m'avez tant aimée...»³ Мы с ней одного возраста, но в прошлом году из ее слов оказалось, что я старше ее на пять лет. Я был ее шафером, когда она выходила замуж за пожилого генерала Кунищева, умершего шесть лет после свадьбы и оставившего ей на Сергиевской дом, в котором она живет зимой, и большое имение около Рязани, куда она уезжает на лето. Теперь это довольно полная, свежая блондинка, прекрасно сохранившаяся не только для настоящих, но даже для своих фиктивных лет. Она женщина неглупая, но казалась бы много умнее, если бы не была так рассеянна. Она внимательно следит за литературой, а «Revue des deux Mondes»⁴ читает от доски до доски и долго думает о прочитанном, так что из ее разговора я всегда безошибочно могу заключить, на какой статье она остановилась. Раз за обедом, когда речь шла о новой французской актрисе, она вдруг прервала разговор, обратясь ко мне с неожиданным вопросом: «Не правда ли, Paul, какая странная женщина была эта византийская императрица Зоя?»⁵ В другой раз она спросила у одного дальнего родственника ее покойного мужа, Коли Кунищева, ходившего к ней в отпуск из юнкерской школы: «Что вы думаете, Nicolas, о положении феллахов в Египте?»⁶ Тот в ответ только звякнул шпорой.

Я вижу с Марьей Петровной почти ежедневно. Мне с ней большею частью скучно, но меня тянет к ней, как в тихую, надежную и привычную пристань. Мы просиживаем с ней иногда целые вечера, говоря о поэзии и любви и слегка перебирая городские сплетни. Она любит музыку и охотно играет ноктюрны Шопена, но исполняет их с таким чувством и так замедляет темп, что их узнать нельзя, а иногда от рассеянности настукивает всякую дребедень. Я заметил, что когда ей особенно грустно, она начинает играть «Les cloches du monastere»⁷. При первых звуках этой плачевной пьесы меня немедленно клонит ко сну.

Любовь Марья Петровна допускает только платоническую. С упомянутым выше Колей Кунищевым случился в прошлом году у нее характерный эпизод. Когда он вышел в офицеры, с ним началась необычайная возня. Марья Петровна беспрестанно его приглашала и даже устраивала для него вечера, несмотря на свою нелюбовь к большим приемам. Я тогда даже порадовался за нее, думая, что, проговорив всю жизнь о любви, она наконец сама влюбилась как следует. Кончилось это тем, что однажды рано утром подали мне лаконическую записку:

---

³ Вы, кто меня так любил... (*фр.*)

⁴ Французский литературно-политический журнал.

⁵ Дочь не имевшего потомков по мужской линии императора Константина (XI в.), вела постоянные интриги в связи с престолонаследием; после пятидесяти лет из династических соображений неоднократно выходила замуж.

⁶ В 1882 г. английские войска вторглись в Египет, жестоко подавили крестьянское (феллахское) восстание и установили колониальный режим.

⁷ «Монастырские колокола» (*фр.*) – Фортепьянная пьеса Листа из цикла «Годы странствий».

«Mon cher Paul, venez me voir, j'ai a vous parler»⁸. Я застал Марью Петровну в слезах, окруженную микстурами и примочками.

– Я просила вас приехать, – начала она слабым голосом, – потому что считаю вас истинным другом. Вы не поверите, как тяжело разочаровываться в людях. Я совсем разочаровалась в Nicolas – он меня не понял...

– Но что же такое он сделал?

– Я не могу вам сказать, что он сделал, но скажу одно: он совсем, совсем меня не понял...

Не добившись толку, я поехал к Коле. Тот принял сначала мои расспросы довольно сурово.

– Да поймите, Коля, – сказал я ему, – что я вовсе не приехал производить следствие: в сущности, дело это вовсе меня не касается. Я просто, как друг Марьи Петровны и... ваш, хочу прекратить недоразумение, возникшее между вами. Что такое у вас произошло?

– Да, право же, ничего не произошло, – отвечал он, засмеявшись чему-то. – Я просидел у тетушки весь вечер, она все играла ноктюрны, потом подали ужин, потом не знаю, почему... ну, одним словом, я, может быть, лишний раз поцеловал у нее ручку... Она рассердилась и ушла.

– Вполне верю, что вы не хотели оскорбить Марью Петровну, но так как ее все-таки оскорбили, то что вам стоит извиниться перед ней?

– Помилуйте, да я готов сто, тысячу раз извиниться.

Я сейчас же повез виноватого к Марье Петровне. Он почтительно извинился, получил прощение, но с тех пор почти прекратил свои визиты к тетушке. На этот раз он ее понял совсем хорошо.

Сегодня Марья Петровна вошла ко мне вся в черном и с лицом, с которым входят на панихиду. Осмотрев меня, она несколько просияла.

– Я нахожу, Paul, что вы не так плохи, как говорил мне Федор Федорович.

Доктор сделал ей выразительный знак, который совсем не исполнил своего назначения, потому что она его не заметила, а я заметил.

– Правда, Paul немного осунулся, но посмотрите: у него даже есть румянец... И знаете, Федор Федорович, мне кажется, что его совсем не надо лечить этими вашими сильными средствами... Ему бы можно дать Pulsatilla или mercurius solubilis⁹. Как вы думаете?

– Вы знаете, Марья Петровна, – отчеканил резко доктор, – мое мнение о гомеопатии...

– Ах, да, pardon, я забыла, что вы здесь, но все-таки я думаю, что pulsatilla не может повредить.

– Если не может повредить, то не может и помочь, а если может помочь, то может и повредить... это cercle vicieuse¹⁰, из которой вы не выйдете...

– Сколько раз я вам говорила, Федор Федорович, – заметила тоном нежного упрека Марья Петровна, – что cercle мужского рода и что надо говорить: cercle vicieux, а не vicieuse...

Доктор, раздосадованный поправкой во французском языке, к которому имеет непобедимое пристрастие, а главное – упоминанием о гомеопатии, объявил, что у него есть опасно больной, к которому он должен немедленно ехать. Марья Петровна, несмотря на мои просьбы, не решилась остаться одна и также уехала. Вероятно, она ожидала и от меня какой-нибудь выходки вроде Коли Кунищева.

---

⁸ Милый Поль, приезжайте ко мне, мне нужно с вами поговорить (*фр.*).

⁹ Названия гомеопатических лекарств: сон-трава, ртутная (*лат.*).

¹⁰ порочный круг (*фр.*).

Впрочем, у нее нашелся для этого отличный предлог – племянница. Об этой племяннице, только что вышедшей из института, она протрубила мне уши с самого приезда из деревни. Она вообразила, что она ужасно ее любит, хотя видела ее в последний раз, когда той было три года. Теперь она уверяет, что племянница ее очаровательна, называет ее «l'enfant de mon coeur»¹¹ и очень жалеет, что мне еще не удалось ее видеть. А я об этом не сожалею нисколько. Это, вероятно, какая-нибудь сантиментальная белобрысая институтка вроде нее самой.

1 декабря

Вот уж и три недели прошли с начала моей болезни. Я испробовал множество всяких микстур и мазей; после каждого нового средства доктор уверяет, что оно подействовало, а между тем все не выпускает меня из-под домашнего ареста. По вечерам меня посещали кое-какие приятели, сегодня не пришел никто, и я с радостью принимаюсь за эти записки.

Чтобы подводить итоги прошлой жизни, прежде всего надо решить, какой я собственно был человек: хороший или дурной, умный или глупый, счастливый или несчастный. Я закурил сигару, уселся на диван и часа два размышлял о первом вопросе. Я пришел к заключению, что это вопрос неразрешимый даже для правдивейшего из людей. Когда человек старается припомнить свою прежнюю жизнь, ему сейчас же необычайно ярко представляются его хорошие поступки: тому-то сделал добро, того-то спас, тогда-то мог сделать гадость и воздержался. Воспоминания о дурных поступках несравненно бледнее. Если же на вашей совести вдруг встанет какой-нибудь несомненно скверный поступок, то та же услужливая совесть делается немедленно вашим собственным присяжным поверенным и спешит придумать всевозможные оправдания, как будто боится, что в случае, если вы признаете себя виновным, вас немедленно сошлют в места хотя и не столь отдаленные, но все же недостаточно центральные. Такое чувство испытал я сейчас и испытываю всякий раз, когда вспоминаю об Алеше Оконцеве... Но об этом когда-нибудь после.

Оценить свои свойства еще труднее, чем поступки. Когда мы судим других людей, у нас и тогда в запасе целый лексикон оттенков, из которых мы выбираем любой, смотря по надобности. Вот три человека, одинаково блюдущих свою собственность. Из них первый – нам симпатичен, мы его называем бережливым, благоразумным; второго мы не любим – он на нашем языке скупой; третьего мы терпеть не можем – он скряга. Историки в своих приговорах большею частью руководствуются подобной симпатией, или, лучше сказать, капризом. Не погрешая против истины, они всегда могут выбрать оттенок, могут назвать известное историческое лицо строгим или жестоким, добрым или слабым. Само собою разумеется, что при суждении о своих собственных свойствах человек, наиболее желающий остаться правдивым, будет выбирать наиболее нежные оттенки. Впрочем, бывали примеры, что люди изображали в самых черных, умышленно сгущенных красках свое прошедшее. Для таких публичных покаяний нельзя лучше выбрать эпитафию, как известное изречение: «Смирение паче гордости». Из глубины этих авторских исповедей выглядывает горделивая мысль: «Вот вы видите, читатели, до какой степени я строг к своему прошедшему; из этого посудите, каким совершенством я стал теперь». До завтра.

2 декабря

Умен я или глуп? Если бы мне врасплох предложили подобный вопрос о любом из моих знакомых, я бы затруднился на него ответить сейчас же, без размышления. Я не говорю о гениях или об идиотах, но ведь и тех и других немного. Тем более мне трудно произнести приговор о себе. Вообще понятия об уме весьма разнообразны. В обществе большею

---

¹¹ дитя моего сердца (фр.).

частью называют умным того, кто знает наизусть много французских каламбуров, или того, кто всех ругает. В ученом мире считается умным тот, кто имел терпение или досуг прочитать наибольшее количество ненужных книг; в деловых сферах тот, кто надул наибольшее количество людей. Назвать кого-нибудь умным или глупым – решительно ничего не стоит; это часто зависит от расположения духа. Вот я назвал Марью Петровну неглупой, хотя и рассеянной женщиной, но, когда я это писал, я был в благодушном настроении. Будь я тогда на что-нибудь зол, я бы смело мог назвать ее глупой, – и, право, был бы недалек от истины. Вчера она-таки прислала мне гомеопатические крупинки со строжайшим приказом не говорить об этом доктору. Сегодня Федор Федорович вошел ко мне с вопросом:

– Ну, что, помогла ли вам Pulsatilla?

– От кого вы это знаете?

– Конечно, от Марьи Петровны.

По моему мнению, логика – единственное мерило ума, и с этой точки зрения я не могу признать себя умным. Часто я делал не то, что говорил, что думал. А между тем могу поклясться, что никогда не лгал умышленно, с расчетом. Моя старая тетушка Авдотья Марковна, распекая меня однажды за какую-то отроческую шалость, сказала: «Сам-то ты умный, да башка у тебя глупая». Мне кажется, что она была права.

Я родился в дворянской, строго консервативной семье. Воспитание в корпусе и служба в полку еще более укрепили это направление. Вследствие главного и единственного романа моей жизни, о котором речь впереди, я вышел в отставку, поселился в деревне и попал в мировые посредники. Наша губерния отличалась необыкновенно либеральными посредниками, и в числе их я был одним из самых либеральных. Как это случилось, я теперь объяснить не могу. Впрочем, в то время все эти понятия перепутались до смешного; каждый мог считать себя чем угодно. С детства мне внушали, что консерватор должен следовать правительственному направлению, а тут случилось, что правительство было либеральнее общества. Наш губернатор, когда-то один из самых жестоких помещиков, теперь плакал от умиления при слове «освобождение». Конечно, если бы правительство задумало опять закрепить крестьян, его слезы умиления текли бы еще обильнее. Подобно этому губернатору я громил и карал гнусных плантаторов и крепостников во имя либерального направления, которое для сокращения тогда называлось просто «честным». Был ли я вполне искренен? И да и нет, как говорит одна моя знакомая дама, желающая дать понять, что она все знает, и боящаяся попасть впросак. Иногда на меня находили минуты тяжелого раздумья. Вот, думал я, дядя Платон Маркович... до семидесяти лет прожил он рыцарем чести; доброты он необычайной, крестьяне в нем души не чают. Но он человек старого закала, ему с новыми идеями освоиться трудно, он боится для своих детей полного разорения. Что же мудреного, если он отстаивает, сколько может, свои интересы? Неужели и его следует признавать нечестным. Но эти минуты раздумья заглушались шумом общих совещаний, газетных статей, а главное – моды, и мы громил и карали и терроризировали губернию, не делая никакого различия между людьми вроде Платона Марковича и настоящими корифеями и виртуозами крепостного права. Очень может быть, что такое Страстное, а следовательно, несправедливое отношение к делу было необходимо для той исторической роли, которую нам пришлось сыграть. Когда эта роль кончилась, мы сошли со сцены, и я совсем естественно возвратился в прежний круг людей и понятий. В прошлом году несколько бывших террористов сошлись в Петербурге. Я сохранил с ними дружеские отношения, и мы сговорились вместе обедать в ресторане. Сначала мы чувствовали какую-то неловкость, но, под влиянием вина и старых воспоминаний, это ощущение прошло, и к концу обеда пошли опять «крепостники», «честное направление», «борьба с плантаторами» – весь этот арсенал когда-то страшных, теперь ненужных слов. Мы вообразили себя опять калифами на несколько часов. Был ли я искренен на этот раз? Опять отвечу словами знакомой дамы: и да и нет. Понятия, сопряженные с

этими словами, давно отошли в область анахронизма. Прежде эти слова представляли собой наплыв новых идей, ломку всей жизни; теперь это вопрос терминологии.

6 декабря

На очереди стоит вопрос: был ли я человеком счастливым или несчастным? С общей точки зрения, я, без сомнения, был очень счастлив, потому что имею независимое состояние и то, что очень неопределенно называют положением в обществе. Но ведь деньги – благо отрицательное; о них, как о здоровье, думаешь только тогда, когда их нет. В достижении именно того, чего нет, и заключается, по моему мнению, счастье, а потому оно длится одну минуту. Едва человек достиг того, чего добивался, он уже желает большего. Да и эта минута бывает обыкновенно отравлена вмешательством в жизнь друзей или врагов, что почти одно и то же.

Что такое друзья и что такое враги? Настоящая дружба, основанная на долговременном знакомстве, на взаимной любви и уважении, встречается в жизни каждого человека крайне редко, а для тех отношений, при которых людей называют приятелями, не требуется ни уважения, ни любви. По-французски и друзья и приятели называются *les amis*, по-русски оттенок имеет большое значение. Приятели – такие люди, которые считают обязанностью рыться в вашей душе и жизни, которые при каждой встрече с вами выражают большую радость и которые весьма мало печалются, если вас постигнет неудача или даже горе. Я заметил, что приятельские отношения возникают гораздо чаще вследствие общих пороков, чем вследствие общих добродетелей) Общие добродетели или таланты возбуждают соревнование, а следовательно, и зависть. Человеку же, сознающему в себе какой-нибудь порок, приятно встретить этот порок в других людях и свойственно находить этих людей прекрасными, чтобы оправдать самого себя.

Вражда иногда возникает между людьми при столкновении их взаимных интересов. Это вражда естественная, это вражда двух собак из-за брошенной между ними кости. Но часто причины вражды также эфемерны и случайны, как и причины дружбы. Вы первый раз встречаете в знакомом доме господина NN и говорите при нем, что певица Сольфеджио поет фальшиво. Если бы NN промолчал или согласился с вами, вы, может быть, были бы с ним всю жизнь в приятельских отношениях. Но NN влюблен в певицу Сольфеджио и возражает вам довольно резко. Вы удивлены тоном возражения и со своей стороны говорите какую-нибудь колкость, не выходящую из пределов вежливости. Этого довольно: NN ваш враг до гроба, он следит за каждым вашим словом, подмечает ваши слабые стороны, не остановится, может быть, и перед клеветой.

Как часто такая эфемерная вражда позорит более высокие умственные сферы. Вот известный, уважаемый литератор Икс напечатал статью об общине. Другой не менее уважаемый литератор Зет не любит общины и возражает на статью Икс, выражая, впрочем, полное уважение к таланту автора. Икс, тем не менее, недоволен и в своем ответе заявляет, что Зет недостаточно знаком с предметом, о котором взялся писать. Зет со своей стороны уличает Икса в неверности приведенной им цитаты. Полемика разгорается все более и более; в конце концов, обмен мыслей приводит Икса к тому, что он намекает на двусмысленное положение жены Зета, а Зет весьма прозрачно рассказывает о том, как Икса побили при открытии какого-то увеселительного заведения. Об общине в этих статьях, к удивлению и негодованию публики, не упоминается вовсе.

Но в том-то и дело, что публика несколько не удивляется и не чувствует негодования. Большинство публики гораздо менее интересуется вопросом об общине, чем вопросом о побитии Икса и о шашнях Зетовой жены.

Однако я отделился от предмета моих рассуждений не хуже Икса и Зета. Возвращаясь к вопросу о счастье, я опять невольно припоминаю ту эпоху моей жизни, о которой не раз

упоминал здесь, – эпоху лихорадочной деятельности и так называемого безумного счастья, отравившего всю мою последующую жизнь. Постараюсь завтра правдиво рассказать эту историю, которая может дать ответ на многие предложенные мной вопросы.

7 декабря

Алеша Оконцев был мой ближайший сосед, дальний родственник и самый близкий друг моих детских и отроческих лет. Я никогда не встречал человека более симпатичного. Оригинальный ум соединялся у него с самым нежным, отзывчивым и младенчески доверчивым сердцем. Ему было двадцать три года, когда он женился на московской барышне из богатой и знатной семьи. Никогда не забуду я моей первой встречи с Еленой Павловной. Я взял в полку трехмесячный отпуск и ехал в свою Васильевку устраивать дела по случаю «эмансипации»¹², как тогда выражались. Проездом в Москве я зашел в Троицкий трактир и увидел в глубине залы, почти возле органа, Алешу с молодой и стройной женщиной. Он бросился мне на шею и представил меня жене.

– Ведь вот, Лиля, – сказал он в непритворной радости, – у тебя, должно быть, было какое-нибудь предчувствие, что мы его встретим здесь. Недаром ты так заинтересовалась им по моим рассказам! Представь себе, Павлик, целый день вчера она приставала ко мне, чтобы непременно сегодня завтракать в трактире. Я понять не мог, отчего ей взбрела в голову такая фантазия...

– Никакого предчувствия у меня не было, – отвечала, улыбаясь, Лиля. – Я просто никогда не слышала органа и уже давно решила, что как только выйду замуж, непременно поеду завтракать в трактир.

Завтрак прошел очень весело. Помню, что с первого раза красота Елены Павловны не произвела на меня особенного впечатления. Меня только поразил ее взгляд, странный, загадочный, устремленный вдаль. Казалось, что в этих зеленоватых глазах застыл какой-то вопрос, на который никто не мог дать ответа. После завтрака ей пришла в голову новая фантазия: ехать в фотографию и снять группу в память завтрака. Мы, конечно, исполнили ее желание, и эта группа, которую я потом назвал пророческой, остается у меня единственным памятником прошлого. В тот же день вечером мы выехали вместе из Москвы в деревню. Между нашими усадьбами было не более четырех верст, и мы, конечно, виделись ежедневно. Месяца через два я стал замечать, что загадочный взгляд останавливается подолгу на мне... Что я влюбился в Елену Павловну, в этом нет ничего удивительного, но почему она меня полюбила, это до сих пор остается для меня загадкой. Алеша был гораздо красивее меня, а во всех других отношениях я даже не смею сравнивать себя с ним... И роман наш начался, когда еще полугодом не прошло с их свадьбы.

После, когда я обсуждал мое тогдашнее поведение, меня утешала мысль, что я долго боролся со своим чувством. Увы! должен сознаться, что если я и боролся, то борьба была не особенно упорна. Будь я вполне честным человеком, я бы уехал, не дождавшись конца отпуска. Но я не уехал, потом взял отсрочку, потом вышел из полка, принял должность мирового посредника и два года прожил в деревне. Эти два года – самая интересная и самая позорная эпоха всего моего существования. Я жил полной жизнью, я не всего себя отдал Елене Павловне; обязанности мирового посредника занимали более половины моего времени, любовь была мне скорее отдыхом и развлечением, следовательно, я даже не имею оправдания в силе и могуществе увлечения. Зимой Оконцевы проводили в губернском городе; я нанял флигель во дворе того дома, который они занимали, и ездил к ним, пользуясь каждой свободной минутой. Не могу сказать, чтобы совесть моя оставалась все время спокойна. Иногда я без ужаса не мог смотреть на доброе, доверчивое лицо Алешы, но самое это созна-

---

¹² Имеется в виду крестьянская реформа 1861 г.

ние глубины моего преступления, вместе с постоянным страхом быть пойманным, придавало всему роману какую-то особенную, скверную прелесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.